

Письма из 1916 года

60

**(ПИСЬМА ИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕЙ АРМИИ
В ПЕТРОГРАД И ИЗ ПЕТРОГРАДА
В ДЕЙСТВУЮЩУЮ АРМИЮ)**

Публикация, вступительный текст и комментарии
доктора физико-математических наук, заведующего лабораторией ПОМИ РАН
М.А. СЕМЕНОВА-ТЯН-ШАНСКОГО
и кандидата исторических наук
А.Ю. ЗАДНЕПРОВСКОЙ

■ ПЕРЕПИСКА ДВУХ ЛЮБЯЩИХ ЛЮДЕЙ – ДЕЛО ЛИЧНОЕ, СУГУБО ИНТИМНОЕ. НО СЛУЧАЕТСЯ ТАК, ЧТО ОНА СТАНОВИТСЯ ДОСТОЯНИЕМ ИСТОРИИ. ЛЮБОВЬ И СЕМЕЙНЫЕ ЗАБОТЫ ДВУХ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ ПОПЫТАЛАСЬ РАЗРУШИТЬ ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА.

Семья Парландов на прогулке.
Ууси-Кирка

Семейная переписка – особый мир, и нечасто бывает, чтобы личные письма могли быть интересны другим людям. Но это счастливое исключение. Написанные сто лет назад людьми культурными, думающими, образованными, эти письма стали важным, и уникальным, документом, свидетельством своего времени, эпохи тяжелейшего перелома в истории России. С их помощью мы можем представить и даже отчасти пережить события, как в то время говорили, второй Отечественной (первой считали войну 1812 года) и начавшейся революции.

*De profundis... Мое поколенье
Мало меду вкусило. И вот
Только ветер гудит в отдаленье,
Только память о мертвых поет.
Наше было не кончено дело,
Наши были часы сочтены,
До желанного водораздела,
До вершины великой весны,
До неистового цветенья
Оставалось лишь раз вздохнуть...
Две войны, мое поколенье,
Освещали твой страшный путь.*

Анна Ахматова

В истории нашей страны эта война было искусственно забыта, нарочито заслонена событиями последовавшей революции 1917 г. и гражданской войны. Мы мало знаем о ней. Тем большую ценность представляют непосредственные свидетельства, письма и документы того времени. Они рассказывают нам о жизни и судьбе поколения, попавшего в безысходный трагический зажим двух мировых войн, революции и гражданской войн.

Сохранились более 250 писем 1914–1917 гг. Дочери М.Д. и Э.А. Семеновых-Тян-Шанских, Анастасия и Вера, берегли их как память о родителях, о матери, трагически рано умершей в 1919 г. и об отце, погибшем от голода в январе 1942 г. в блокадном Ленинграде. И как самое дорогое достояние они увезли их в эвакуацию в конце февраля 1942 г. Зная обстоятельства и условия этой эвакуации, становится понятно, что это был подвиг дочерней любви.

Семья Д.П. Семенова. Николай, Ариадна, Евгения Михайловна, Леонид, Александр, Дмитрий Петрович, Вера, Рафаил, Михаил

Теперь о главных действующих лицах. Михаил Дмитриевич – третий сын Дмитрия Петровича Семенова-Тян-Шанского, внук знаменитого географа и государственного деятеля Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского. Он родился 8 мая 1882 года в большой патриархальной дворянской семье – у М.Д. было четыре брата и две сестры. Его отец, окончивший знаменитую петербургскую гимназию Карла Мая, отдал туда четверых (из пяти) своих сыновей. Окончил ее и М.Д. Гимназия Мая на Васильевском острове, отличалась уникальной творческой атмосферой и высоким уровнем преподавания¹.

Нерушимая «майская» дружба соединила не только гимназистов разных поколений, но их родственников. Дружба Михаила Семенова и его младшего брата Шуры² с его однокашником Георгием Парландом и сблизила их с его семьей.

Парланды – потомки русских иностранцев, выходцев из Шотландии и Германии. Как и семья Семеновых, это была большая петербургская семья, в которой было трое сыновей и пять дочерей. Двое выпускников

Столовая в квартире Парландов на 12 линии

майской школы нашли свою судьбу в семье Парланд. Иван Петрашень, который был однокашником Освальда Парланда, и Михаил Семенов женились на сестрах Парланд – Джесси и Эми Вайолетт.

Семья Парланд отличалась разнообразием культурных интересов. Старшая дочь Алиса была художницей, она окончила Школу поощрения художеств, была близка кругу «Мира искусства». Старший сын Херри (Андрей) – студент-юрист, Освальд (Ози) стал инженером путей сообщения. Джесси училась на Бестужевских курсах. Младший брат – Георгий (Жоржик) – студент филолог, имел ярко выраженное литературное дарование. Благодаря матери Марии Николаевне, прекрасной пианистке, все члены семьи Парландов были музыкальны. Любили танцевать и часто устраивали музыкальные вечера. Глава семьи – Андрей Александрович Парланд был заядлым охотником и спортсменом. Его трофеи – чучела зверей и спортивные кубки украшали гостиную. Но занимал он скромную должность маклера Петербургской биржи, поэтому материальное положение семьи было не блестящим, а дочери были бесприданницами.

Для М.Д. необыкновенно привлекательным стал дом Парландов, наполненный душевным теплом и особой гармонией. Возможно, ему не доставало такой атмосферы в его собственной семье. Особенно он сблизился с Георгием и его сестрой Эми Вайолетт, которую как младшую дочку в семье звали Беби. Она родилась в 1886 г. и была на четыре года старше брата Жоржика и на четыре года младше Михаила. Их дружба, начавшаяся в отроческие годы, в юности переросла в любовь.

Михаил Дмитриевич был человеком тонкой нервной организации, в молодости он долго искал свое призвание. Начал учебу в Военно-медицинской

Михаил, Рафаил и Леонид Семеновы-Тян-Шанские с дядей Измаилом Петровичем. 1904 г.

Академии, а когда из-за революционных событий 1905–1906 гг. Академия была закрыта, он продолжал обучение на медицинском факультете в университете Гейдельберга в Германии. Прервал учебу, вернулся в Россию, где окончил естественное отделение Петербургского университета в 1909 году, специализи-

Сестры Парланд: Алиса, Джесси, Маруся, Дези, Эми

Н.Д. Семенов-Тян-Шанский,
В.Д. Семенова-Тян-Шанская,
М.Д. Семенов-Тян-Шанский,
Д.П. Семенов-Тян-Шанский,
денщик М.Д. и вестовой матрос Н.Д.
Петербург, 1910 г.

64

Г.А. и Э.А. Парланд. Около 1910 г.

руясь по географии. Отбыл воинскую повинность и поступил на работу в Министерстве земледелия, где занимался вопросами экономической статистики. Одновременно стал преподавателем географии в третьей классической гимназии.

Свадьбу М.Д и Беби долго откладывали из-за ее слабого здоровья: с детства у нее были слабые легкие. Она лечилась в финляндских санаториях на Карельском перешейке, в семье ее баловали и оберегали. Это, как объясняет ее старшая дочь Анастасия, и стало причиной того, что Эми, единственная из всех сестер Парланд, не получила высшего образования.

Канун свадьбы был омрачен внезапной смертью 25 марта 1910 г. отца Эми Андрея Александровича в возрасте 64 лет. 19 сентября 1910 г. Эми, которую теперь официально именовали Эми (Любовью) Андреевной, венчалась с Михаилом Дмитриевичем.

Через год в семье Парландов произошла другая трагедия, всех глубоко поразившая. В ноябре 1911 г. на охоте застрелился Георгий Парланд. В последний год своей жизни он писал и не окончил автобиографическую повесть³. Написанная под сильным влиянием модного тогда норвежского писателя Кнута Гамсуна, та повесть рассказывала о жизни и проделках трех веселых друзей. Главные герои имеют реальных прототипов – одноклассники «майцы» – Боб – Эгон Гейман, Андик – Шура Семенов и сам автор – Стива.

13 февраля 1913 года в семье Семеновых-Тян-Шанских родилась старшая дочь – Анастасия, которую в семье называли Стана.

Когда думаешь о судьбе этой семьи, вспоминаются простые и точные слова Лары Антиповой, героини романа Пастернака «Доктор Живаго»: «Мы женились перед самою войною, за два года до ее начала. И только мы зажили своим умом, устроили дом, объявили войну. Я теперь уверена, что она была виною всего, всех последовавших, доньне постигающих наше поколение несчастий». Думается, что с этими словами полностью согласилась бы и Эми Андреевна... Ее по-настоящему взрослая жизнь началась в дни суровых испытаний, в самом начале войны ее муж был мобилизован на фронт, а она осталась с полуторагодовалой дочкой на руках. Хорошо, что судьба послала ей в качестве помощницы замечательно добрую и умелую – няню карелку Анисью Андреевну Трайденкову.

Печально знаменитый август 1914-го, ставший необратимым рубежом в жизни страны и мира, обозначил и роковой рубеж и в жизни целого поколения. К счастью, никто из братьев и родных М.Д. не погиб на фронте: ни сам он (хотя был тяжело контужен), ни его брат Николай, морской офицер, воевавший на Западном фронте в морской пехоте, ни третий брат

М.Д. Семенов-Тян-Шанский, прапорщик в парадной форме (слева на груди университетский значок, справа крест Егерского полка), 1915 г.

Шура, участвовавший в 1917 г. в последнем июньском наступлении Русской армии.

М.Д. начал служить в чине прапорщика в 26 Сибирском стрелковом полку. В конце августа 1914 г. участвовал в первой неудачной для русской армии – операции в Восточной Пруссии. 26-й Сибирский полк, в который он был зачислен при мобилизации, предпринял наступление в направлении Граево, чтобы облегчить положение полуокруженной армии Ренненкампа. При отступлении он был контужен разорвавшимся вблизи снарядом. «Настолько близко снаряд разорвался, что к нему солдаты подбежали и говорили: “Ваше благородие, прапорщика Семенова (т.е. его самого) разорвало”»⁴. Утром М.Д. был отправлен в госпиталь с признаками острого помешательства; последнее, что он воспринял сознательно, было то, что Граево оставлено русскими. В госпитале он некоторое время потерял совершенно память, считая, что находится в плену, говорил только по-немецки, не помнил даже имена своих родных, дочери, жены.

В середине сентября 1914 г. старший брат М.Д. Рафаил вместе с братом его жены Освальдом Парландом разыскали М.Д. в госпитале и перевезли его в Петроград. После выздоровления он был зачислен в лейб-гвардию Егерский полк, в котором он начинал свою военную службу в 1910 г. Тяжелые головные

боли и депрессия мучили его еще много лет. Осенью следующего 1915 года М.Д., как офицер, в совершенстве владевший немецким языком, был командирован сопровождать немецкую делегацию Красного креста, которая инспектировала содержание немецких военнопленных в лагерях в Сибири и Дальнего Востока. Зимой 1916 г. Михаил Дмитриевич вернулся в Егерский полк; вплоть до весны он оставался в Петрограде и Красном Селе в запасном батальоне. В апреле Эми Андреевны родила вторую дочь Веру. Но, видимо, рутинная служба в так называемом «безопасном батальоне», в то время, когда на фронте решалась судьба России, его не удовлетворяла. Он подал рапорт и в мае 1916 г., был отправлен опять на фронт. Летом и осенью 1916 г. Егерский полк участвовал в наступлении русской армии и понес большие потери. В сражении у деревень Свинюхи и Корытницы – «Четвертое Ковельское сражение» этот гвардейский полк потерял почти 1000 человек убитыми и ранеными. В этом сражении М.Д. не участвовал по случайной причине – он получил отпуск и как раз в начале сентября 1916 г. ненадолго вырвался в Петроград навестить семью.

После этого неудачного наступления фронт стабилизировался и М.Д. оставался в окопах на передовой вплоть до начала февраля 1917 г., весной 1917 г. он был послан в ближний тыл в эксплуатационную комиссию, обеспечивавшую снабжение остававшегося на передовой полка. Письма того времени особенно интересны как непосредственная реакция на начавшуюся революцию, первоначальную эйфорию быстро сменяет ощущение катастрофы, распада армии, распада России. Осенью 1917 г. М.Д. получил отпуск по болезни. Окончательно демобилизовался он в январе 1918 г., когда Русская армия доживала последние дни.

Началась новая эпоха, эпоха революции, потерь и расставаний навсегда. Жизнь кардинально изменилась. В период с 1917 по 1920 г. в семьях Семеновых и Парландов умерло от голода и болезней или было убито не менее 15 человек. В январе 1919 г. семья Михаила Дмитриевича осиротела: от скоротечной чахотки сгорела Эми Андреевна.

Осколки семей оказались разделенными между странами и континентами.

Этот тектонический сдвиг Михаилу Дмитриевичу хотелось как-то пережить и осмыслить. В начале 1918 года, когда Михаил Дмитриевич на некоторое время остался один в пустеющем, замерзающем и голодающем Петрограде, он начал писать большой роман, роман о своем времени и о себе. Назвал он его «Жажда». Этот роман остался неоконченным⁵.

В публикуемую выборку из переписки Михаила Дмитриевича и Эми Андреевны мы включили письма 1916 г.; ее открывают письма мая 1916 г., написанные сразу после отъезда М.Д. из Петрограда на фронт.

1 мая 1916 г.

Дорогой Миша,

Я не могла писать Тебе эти дни, потому что находилась в таком состоянии, что если б засела за письмо, то сразу же начала реветь. Я и теперь еще совершенно не могу говорить про Тебя спокойно, и до сих пор не спросила девочек⁶, как Ты уехал на вокзал и кто Тебя провожал. Меня это очень интересует, но я боюсь, что я спрошу и тут же начну плакать. Очевидно, у Твоей жены за последнее время немного разошлись нервы и я еще не достаточно окрепла после родов⁷. Ты, пожалуйста, не обращай на это внимания, это все скоро пройдет (видишь, я пишу Тебе совершенно спокойно письмо), и я бы, может быть, не должна была писать Тебе про все эти глупости, ведь Ты ждешь писем, я обязалась писать, а написать что-нибудь другое про себя я ничего не могу, как только то, что я все еще не могу свыкнуться с мыслью, что Ты на войне; и хотя Ты теперь стоишь в резерве, но ведь не сегодня-завтра резерв этот прекратится.

Дети здоровы, Станочка⁸ очень весела, хотя часто Тебя вспоминает и говорит, что ей без папы скучно. «Папа что-то очень долго на войне, мама долго была в больнице, а папа на войне долго», – сказала она мне вчера. Сегодня она спросила меня, почему Ты не взял с собой медведя на войну, что там Ты мог бы играть им. В общем, она всего меньше страдает от отсутствия папы. Папиной второй дочке приходится хуже, она теперь гораздо больше беспокоится и больше плачет. Мне ее безумно жалко, и я, ей Богу, изо всех сил стараюсь, ради нее стараюсь успокоиться и не нервничать. Стараюсь забыть, что Ты на войне и вообще стараюсь о Тебе не думать, и иногда это удается. Я знаю, что я должна жить теперь, чтобы девочка процветала и росла, и надо надеяться, что все скоро образуется и я привыкну. <...>

Сегодня получила Твою открытку, спасибо, что написал так скоро, а она так скоро дошла, все постараюсь исполнить. Напиши, как долго идут мои письма. Целую Тебя крепко, крепко. Обо мне не думай и не волнуйся, я как-нибудь справлюсь сама. Всего, всего лучшего.

3 мая 1916 г.

Дорогой Миша,

Сейчас меня разбудили и передали твое письмо, которое принес солдат, он торопится уходить, а ноты у меня не приготовлены, я просила Ози⁹, и он обещался принести мне что-нибудь легкомысленное, как раз сегодня во вторник. Поэтому посылаю

тебе то, что сейчас нашла в ящике Жоржикиного шкапа, очень их немного, но все спят и я ничего не могу сделать. Перешлю ноты, как и седло, с Кербером¹⁰. Теперь же посылаю Тебе фуфайки и одеяло.

Спасибо Тебе за письмо. Большое, большое спасибо. Ты такой хороший, что пишешь много, и Ты, правда, успокоил меня. Мне теперь гораздо легче, а было так тяжело, что и словами не передать. Дай Бог Тебе всего всего хорошего, может быть и правда, что все образуется, война кончится и Ты будешь цел. Тогда мы может быть с благодарностью вспомнем это время, по крайней мере, будет, что вспомнить. Теперь же у меня такое чувство, что для Тебя быть там гораздо лучше и интереснее, чем торчать в Красном¹¹, там новые впечатления, красивая местность, весна, одним словом, в момент хорошо.

Дети здоровы. Стана первое время по Тебе скучала, часто вспоминала. Верочка из-за моего молока очень беспокоилась, но теперь вчера была опять покойная прежняя девочка. Насморк ее прошел, но кашель немного еще есть, но это уже остатки. Я вчера гуляла первый раз, погода у нас немного теплее, но все-таки сыро и идет дождь. Я рада, что нет солнца и холодно.

Ты очень беспокоишься, как я? Милый мальчик, спасибо Тебе, Ты тоже успокойся и не нервничай. Мне теперь легче, и я привыкла сейчас к мысли, что Ты на войне, если к ней вообще можно когда-нибудь привыкнуть. Только Бога ради, пиши мне всегда правду, и если Тебе дадут новое назначение, пошлю в окопы, обещаю, что напишешь мне сразу.

Ну, прощай, жаль, что письмо у меня не написано и что приходится писать впопыхах. Целую Тебя крепко, крепко. Дай Бог Тебе всего, всего лучшего.

Твоя Беби

Стана целует папу, а няня шлет поклон. Спроси Степана¹², куда положил он ключ от чулана или сарая, где стоят наши вещи? Мама¹³ очень беспокоится, что его нет.

Среда. 4 мая 1916 г.

Дорогой Миша,

С седлом выходит очень грустно. Гарри¹⁴ был вчера в [Гвардейском] Экономическом Обществе, и там нет седел ни на комиссии, ни так, и говорят, что и впредь не будет, можно сделать на заказ. Но только через два месяца и что-то дороже 200 рублей. Затем Гарри был у Вальтера и Коха, там седел сейчас тоже нет, но могут сделать через три недели со дня заказа – темной кожи английское

седло 215 рублей и светлой кожи 174 рубля. Это седла с уздечками и со всем тем, что полагается седлам иметь. Казацкое седло у Вальтера и Коха можно иметь сейчас за 180 рублей. Гарри очень ругался, что ты не написал, какое седло тебе нужно, походное или обыкновенное, походное, то еще дороже. Он спрашивал еще в манеже, но там ему сказали, что седел вообще в Петербурге нет. Можно бы посмотреть еще в Апраксином рынке в кожевенных лавках, но там, говорят, бывает, что кожа окажется гнилая. Гарри уверяет меня, что тебе проще съездить в Двинск и посмотреть седла там, там они, говорят, наверное есть и, может быть, дешевле Петербурга, тут же, говорят, в данный момент их нет. Какой-то родственник Кириштен¹⁵, артиллерист, который приехал сейчас из Двинска и с которым Гарри беседовал, тоже дает совет съездить в Двинск. В общем, очень глупо, что так выходит и что в полку не предупредили тебя, что ты должен будешь иметь седло и лошадь. Нельзя ли купить седло вместе с лошастью? Я попробую еще поговорить с Шурой¹⁶, может быть, у него есть какие-нибудь связи в корпусе, ведь как-никак, а имеется же там кавалерийское отделение. Когда я что-нибудь узнаю, то напишу тебе, пока же совсем не знаю, как поступить, буду ждать от тебя ответа. Вчера я с солдатиком послала тебе одеяло, кожаную куртку, которую ты забыл и которая может тебе пригодиться, и фуфайки на случай холода.

Думаю, что ты, получив фуфайки, выругался, что я их прислала.

В воскресенье была у нас Аня Шульц она говорит, что Густав пишет, что в Лондоне англичане говорят теперь, что война <3 сл. вымараны военной цензурой>, это такой прогресс, на мой взгляд, что и не рассказать, ведь недавно они говорили, что война только <1 сл. вымарано военной цензурой>, и эта перемена взгляда англичан как живительный бальзам подействовала на мою душу, я совсем взыграла духом. Может быть, и правда, война <2 сл. вымараны военной цензурой>. Ведь правда?

Мы все здоровы и крепко Тебя целуем.

[Штамп на конверте:] *Вскрыто военную цензурой.*

Штамп на конверте: *Петроград. Военный цензор № 1475.*

Пятница. 6 мая 1916 г.

Дорогой Миша,

Поздравляю Тебя с днем рождения¹⁷, крепко Тебя целую и желаю всего, всего лучшего. Боюсь, что письмо не дойдет к понедельнику, что письма

ходят дольше, но рассчитать так трудно. Надеюсь, Миша, что в будущем году мы будем с Тобой вместе, и что к тому времени все образуется. Сегодня приходил Кербер за седлом, он уезжает на будущей неделе и, может быть, если я получу Твой ответ, я поспею купить седло и передать ему.

Теперь же я боюсь, что Ты, получив мое первое письмо, действительно собрался и поехал в Двинск и что вдруг, таким образом, получится два седла. В этом был виноват Гарри, который уверил меня, что достать седло в Петербурге раньше трех недель никоим образом нельзя и только вчера отыскал место, где седло есть и теперь ругает меня, что я будто бы поторопилась Тебе написать, но сам же при этом раньше уверял меня, что лучше и проще Тебе поехать в Двинск. Кербер говорил мне, что до Двинска вам только один час пути, вот не думала я, что так близко.

От Тебя я имела три письма, последнее письмо передал мне солдатик, я послала с ним Тебе одеяло, нож, фуфайки и кожаную куртку, надеюсь, что он передал Тебе их. Я, получив письмо, дала ему на чай 40 копеек, а Кербер говорил мне, что солдатам дают при отправке и при получении посылок по три рубля, что тогда они точно передают письма и посылки, а не то они теряются. Ничего подобного я не подозревала, а кроме того нахожу, что господа офицеры, поступая так и платя так много, деморализуют собственных солдат. Надеюсь, что этот солдатик Тебе посылку передал, а не потерял ее.

Наша жизнь течет по-прежнему, мы снова сидим без прислуги и силы уходят на эту неурядицу и бестолковщину; одно хорошо, что нет времени думать, вспоминаю Тебя из-за суматохи мало и радуюсь, что Тебя нет сейчас с нами, ибо Ты очень страдал бы от нашей жизни. Где же наконец корень зла, что все у нас идет вверх ногами? Чувствую и выгляжу я теперь кажется много лучше и скоро надеюсь совсем поправиться, хожу немного гулять, но дальше 4-й линии не добредала, так как скоро устаю. Завтра нашей дочке месяц, не знаю, выросла ли она, надеюсь, что да и что мое кормление идет ей впрок; во всяком случае она тихая девочка и мало плачет. Ночью спит по-прежнему хорошо. Спит на Твоей постели, рядом со мной. Миленькая она очень и теперь днем гуляет более долгое время, глазки у нее прелестные, только немного грустные, или, может быть, они мне кажутся такими, потому что мне всегда бывает грустно, когда я на нее смотрю. Аля¹⁸ говорит, что она очень похожа на Тебя. Стана трогательно любит Верочку и если та не спит, то Стана все время возится около нее, но

относится очень бережно и совсем не порывается трогать Верочку. Стана удивительно хорошая и милая девочка, в ней ни капли нет ревности и зависти, она совершенно покойно отошла на задний план и уступила первое место сестре, совсем не протестует, что няня и мама теперь меньше времени уделяют ей. Я не ожидала, что она такая хорошая, и скромность ее меня трогает, у нас с Тобой очень милые и скромные девочки, правда?

Трудно мне писать, так как все что-нибудь мешает, то звали кормить и купать девочку, то Стана прибегает со своими вопросами и рассказами. Погода у нас сумрачная и дождливая, так что сидеть в городе не обидно, когда переедем на дачу, ничего определенного не известно. <...>

Дорогой мой, целую Тебя крепко, крепко. Напиши мне, как Ты живешь и правдали, что со временем Ты займешь место Скорина¹⁹ или это Твое предположение только? Если Тебе приходится исполнять полицейские обязанности относительно солдат, то это должно быть не очень приятно.

Что творится у вас наверху, не знаю²⁰. Затем прощай, желаю – всего, всего хорошего в этом новом году для Тебя.

Христос с Тобой, дорогой мой. Мама очень поздравляет тебя, желает всего лучшего и просит извинить ее, что она сама не пишет. Анисья тоже поздравляет и кланяется.

15 мая 1916 г.

Дорогой Миша,

Спасибо большое за письма, пока действительно все идет хорошо, я имею письма от Тебя почти через день, так что в этом отношении все хорошо и я Тебе страшно благодарна, что Ты так заботишься обо мне и часто пишешь. Это время я писала как раз мало, абсолютно не находила времени, днем мечешься по разным делам и с детьми возишься, а вечером так устаешь, что только мечтаешь о постели и все думаешь: Вот отосплюсь и завтра напишу хорошее письмо, и завтра повторяется то же самое.

Вчера солдатик принес письмо часов в 11 вечера, когда я уже засыпала, судьба Соважа²¹ действительно, трагична и поистине неизвестно, где найдешь смерть, казалось бы, все условия в данном случае были за жизнь и о смерти не приходилось думать.

Дай Бог, чтобы Твои предположения относительно исхода войны, были верны, это было бы так хорошо, что даже страшно мечтать, и не верится, чтоб это когда-нибудь могло случиться скоро; тут все склоняются, что до конца еще долго и что надо

запастись терпением. Вам, военным, конечно, все это виднее и я так счастлива, Мишенька, что Ты это написал, ведь уезжая, Ты приготавливался еще на два года, и что-нибудь да значит, что ты теперь переменял свое мнение. Хотя, Миша, в общем, Ты все-таки неисправимый оптимист, в каком-то письме Ты пишешь мне: «все хорошо, что хорошо кончается, будь покойна». Да разве что-нибудь кончилось? Ведь только еще началось, ведь Ты только еще уехал на фронт, и хотя, конечно, пока самые тяжелые минуты, были минуты расставания, но ведь с Твоего отъезда прошло только две недели и эти две недели действительно прошли благополучно. Дай Бог, Миша, чтоб и дальше все было также хорошо и чтобы судьба Тебя хранила для Твоих дочек.

<...> Относительно моего самочувствия, Мишенька, я стала, конечно, гораздо крепче, но все-таки кругом говорят, что я еще бледная и, очевидно, я совсем поправлюсь и отойду на даче, у меня теперь непреодолимое желание спать, я сплю и днем и ночью и, очевидно, наверстываю старое, вообще для своего самочувствия мне хочется на дачу, тут я не только не поправляюсь, но скорей мотаюсь, но там, во первых, не будет известий от Тебя, так что в этом отношении будет много много хуже, а во-вторых, погода такая ужасная, что страшно ехать с детьми, и сегодня, и вчера 5°, дует холодный ветер, а ночью, кажется, было 2°, солнца совсем не видно, погода такая, как бывает поздней осенью и нет даже желания двинуться на дачу, ведь там мы не знаем, как печи и, может быть, мы будем мерзнуть, дрова же там тоже стоят 14 рублей. Такое впечатление, что лета и тепла совсем не будет и жалко, что теперь самое светлое время, а весны все-таки не чувствуешь. <...>

Сейчас пришел денщик Кербера за письмом и седлом, должна кончать, а хотелось бы написать еще многое, главное, ведь я знаю, что это письмо Ты скоро получишь. Ужасно странное чувство, Миша, знать, что Ты где-то в пространстве, не в каком-нибудь одном определенном месте, а неизвестно где и едешь неизвестно куда; знать, что не сегодня-завтра Ты опять, может будешь в бою или что-нибудь в таком роде, а главное, неизвестность, когда все это кончится. Только и думаешь, чтоб все кончилось благополучно, ведь правда, пока все шло счастливо и я должна за все быть благодарна судьбе, я ведь имела Тебя полтора года в доме и я, Миша, ни на что не жалуясь. Я теперь совсем-совсем покойна, так что даже сама себе удивляюсь. Я бы только хотела, чтобы Ты не беспокоился обо мне и детях.

Наши все Тебя целуют и все шлют привет. Анисья кланяется. Поклонись от нас всех и от Анисьи Степану. Если у Тебя все еще холера, пей мятный чай, мама говорит, что помогает, я хотела купить и не поспела.

Целую Тебя крепко-крепко. Христос с Тобой, мой дорогой.

Всего всего Тебе лучшего.

17 мая 1916 г.

Дорогая Булинька, ты, должно быть, ждешь-не дождешься от меня писем, но дело в том, что okazji не было, а если я опущу письмо в почтовый ящик, то, ей Богу, нельзя знать, когда оно дойдет до тебя. Сегодня мы, наконец, добрались до нашей новой стоянки. Последние переходы делали ночью, а последний был очень большой, верст под сорок, но дорога была очень хорошая, и переход мы совершили очень легко. Я ехал на лошади только около шести верст, а все остальное шел пешком, потому что было очень холодно и я боялся смерзнуть.

Под утро был порядочный мороз. Новый наш район удивительно живописен, недалеко от нас имеется женский монастырь, лежащий на берегу живописного озера. Ко времени восхода солнца мы были у этого озера, стояли, делая привал – была удивительная, на редкость сказочная картина. Озеро все дымилось, пар от него поднимался к небу, становился лиловым, в месте слияния его с небом был освещенный берег, который горел яркой желтой полосой, лиловый цвет переходил далее в легкий желтый, зеленый и голубой, а посреди поднимающегося пара сиял зеленым изумрудным цветом небольшой островок. Гиренков²², Рухлов²³ и я – они случайно оказались со мной – мы все как очарованные наслаждались этой картиной. В общем, за неделю мы прошли около 160 верст совершенно незаметно, и я все время чувствовал себя превосходно и наслаждался, поминутно твердя – «Хорошо жить на белом свете».

Новая местность разделила штаб полка на четыре части, так как помещичий дом, предназначенный для нас, оказался тесным – в нем остановился командир, старший полковник. Мы же все разделились еще на три части, и я поселился вместе со Столицей²⁴, который оказался по соседству с нами. У нас очень большая просторная изба, наша комната величиной с нашу спальню, в ней совершенно потонули походные наши кровати. Пока мало мебели – стол и две скамьи, но мы закажем табуретки и заживем припеваючи – хотелось бы на подольше.

Здесь недалеко есть лесное озеро, в нем я намерен ежедневно купаться. Верховой езды также предстоит немало, виды здесь живописны – можно и порисовать. Вообще, развлечений предстоит много, а воздух чудесен, молоко, роскошно – лучшей дачи трудно найти. Последние остановки были в старинных фольварках, которые – благодаря тому, что мы шли по ночам – мне удалось зарисовать более или менее удачно, красок только я извел уйму.

Сегодняшний ночной переход был, однако, тяжелым – шли с пол-8-го вечера, а пришли на место только в 6 утра, попал я в кровать в 8, думал, что сразу засну – но провалялся до пол-10-го, не в состоянии заснуть, и только тогда вдруг как-то удалось уснуть. Проспал до пол-2-го, в 2 встал, а теперь 10 часов вечера и я еще бодр и пишу тебе, моя дорогая.

Вспоминаю о вас очень часто и так же часто вижу во сне, почти каждую ночь и даже днем, когда на минуту задремлю. Сейчас приехали из Петрограда два офицера и привезли твое письмо от 12 мая, очень рад, что у вас понемногу все образуется, только жаль, что ты мне так мало пишешь про детей.

Ну, пока, всего хорошего, Христос с тобой и детьми. Целую тебя и их, а прочим шлю искренний привет.

4 июня 1916 г.
Дорогой Миша,

Ози²⁵ не может получить Твое жалование в Министерстве²⁶, ему не выдают, ибо говорят, что доверенность не нотариальна и что там не хватает какой-то марки. Он ходил туда почему-то пять раз. Поэтому, пожалуйста, напиши Ты сам в Министерство, чтобы это как-нибудь устроить, деньги ведь нужны очень. Я не знала об этом раньше, потому что 20-го Ози дал мне свои деньги, так как не хотел идти в тот день в Мин[истерство], а я уезжала на дачу, теперь же он не может получить оттуда деньги говорит, что Ты должен написать туда сам.

Целую Тебя крепко.

10 июня 1916 г.

Дорогой Мишенька,

Только что получила открытку, что вас снова двинули неизвестно куда. Господи, дай вам Боже, всего хорошего и чтобы все благополучно кончилось. Если б ты знал, Миша, как я жду этого конца. Сегодня и в газетах известия, что начались бои и на севере²⁷, только бы у нас снова не оказался недостаток в снарядах, и мы снова бы не остановились на пол-дороги.

Дети и я здоровы, погода по-прежнему холодная и сырая, сегодня два раза шел сильный дождь, один раз с градом. Целую тебя крепко-крепко. Пиши мне. Дай Бог, тебе всего хорошего.

Твоя Беби

30 июня 1916 г.

Дорогой Миша,

Письма Твои я получила вчера, сразу три, последнее от 25 мая, вы все находитесь на том же месте, но настроение Твое, мне кажется, начинает немного падать, изредка попадаются минорные ноты и хотя Ты и не дошел до мрачного настроения Гули²⁸, но уже не смотришь на все так розово. Тебя очевидно томит, что вы все в резерве, а я за это благодарю Бога и желаю только, чтобы только это продолжалось подольше и каждый день радуюсь, читая газеты, что на северном фронте по-прежнему мелкие атаки.

Посылку я Тебе послала столь скромную, только папиросы и пряники, оттого, что я считала, что Ты страдаешь холерой и что точно есть не можешь, но если б я знала, что Ты обрадуешься пряникам, то конечно прислала бы больше. Хотя Тебе посылать так трудно, к еде Ты равнодушен. Книжки? Но многие книжки Ты совершенно не признаешь, и угодить Тебе очень не легко. Теперь летом вряд лимне мне удастся послать что-нибудь. Ты пишешь, что к вам приехал Усов²⁹, приехал он к вам как следует, надолго, т.е. расстался с запасным батальоном или же только в гости? И кто теперь занимает его место? Я так привыкла следить за жизнью Вашего батальона и полка, что теперь очень странно, что я ничего не знаю, что делают те-то и те-то люди. Письма Твои о самом важном и меня интересующем умалчивают, и я собственно о Тебе, кроме того, что Ты здоров и живешь в красивой местности, знаю мало, например, я все-таки совершенно не могу представить, в чем состоит твоя должность, как она называется и временно ли ты ее исполняешь или на более или менее долгий срок. Я все-таки все время утешаюсь, что если и начнется и на вашем фронте, наступление, то в первую голову прорывать фронт вряд ли пустят гвардейскую часть. У Брусилова³⁰ наши дела обстоят блестяще, и сведущие люди говорят, что если дела так будут развиваться и дальше столь же успешно, то немцы принуждены будут отступить. А тогда ведь и конец будет ближе!

Сегодня Духов День, вчера приехал Рафаил³¹, ночевал он у Умновых, но пасся весь день у нас. Очень Рафаил хороший человек, но очень несурраз-

ный, и я знаю, что я часто к нему несправедлива, потому что он-то расположен к нам всей душой, а я так же отнестись к нему почему-то не могу. С одной стороны, он трогает меня своим вниманием, а с другой, выводит из терпения своими длинными спорами и рассуждениями. Я с ним уже несколько раз принималась спорить о повышении трамвайной платы с 5 к<опеек> на 10. Он находит, что эта мера очень своевременна, хороша и справедлива, а я возмущаюсь всеми фибрами моей души и никогда с ним не соглашусь. В общем, все твои родные теперь очень трогательны и внимательны со мной с тех пор, как Ты уехал на войну, даже Евгения Михайловна³², когда я еще была в Петербурге, несколько раз приходила меня навещать, а вчера с Рафой прислала Станочке новые игрушки. А в день Твоего рождения все ваши были у меня и поздравляли с рожденником, это меня ужасно тронуло, потому что ведь в былое время, когда Ты сам был дома, они были бы скорее способны совершенно забыть Тебя. Ваши переехали в Царское, Шура в Красном³³ и, кажется, пока у него все идет хорошо, загорел он очень, и я никогда не видала еще у Шуры такого здорового вида. Если он не попадет на войну, то, безусловно, все это принесет ему только одну пользу. <...>

Твоя Беби

5 июля 1916 г.

Ты пишешь, дорогой Миша, что Тебе очень повезло и что теперь, когда командир отпускает домой три, а не два офицера, Ты увидишь меня скорее, чем предполагал, а именно в декабре. Когда я прочла это, я чуть не заплакала, во всяком случае, была близка к этому. И Ты считаешь, это хорошо? Ровно через полгода и то на 10 дней, а с момента, как Ты уехал, через девять месяцев, я не вижу тут никакого везения, а наоборот, нахожу, что это ужасно. И если Ты хотел меня этим утешить и обрадовать, то не достиг этого, потому что я в глубине души надеялась увидеть Тебя немного ранее.

Относительно же Твоего обещания приехать в сентябре, я не верю ему, ведь обещал же Ты, уезжая, приехать 7 июня. Всюду выходит одна грусть и эта бесконечная война, которая, наверное, еще протянется годы, и вечная мука и страх за Тебя. Теперь еще Вы опять куда-то двинулись, Ты бы написал мне, на юг или на север, ведь этим Ты ничего не скажешь, а мне все-таки легче знать хоть приблизительно направление, где Ты теперь находишься. И отчего это Вас гоняет из стороны в сторону, и сохраняетесь ли Вы еще в резерве, я

не понимаю. Если Вы уже воюете, напиши мне. Зачем скрывать? И все-таки лучше знать правду.

Наша жизнь в тылу становится феноменальна по дороговизне, и я не знаю, к чему все это приведет, одни наживают миллионы, другие гибнут и почти голодают. Дрова в Петербурге стоят сейчас 25 руб<лей>, а между тем масса барок с дровами стоит сейчас в каналах и ждет, чтоб цены еще вздулись, и тогда только торговцы привезут их в город. И это патриоты и все стоящие во главе борьбы с дороговизной знают это и мирятся, а, следовательно, и сами принимают участие во всем этом безобразии. Аппетиты так разрослись, что удержать нет и возможности, и зима обещает по всем данным быть опять трудной. Тут население обнаглело чрезвычайно, и жить с ними ужасно несимпатично. Когда война кончится, обязательно будет какой-нибудь взрыв. Я живу как в тумане, только чтоб как-нибудь день прошел, хочется, чтоб время шло как можно быстрее, а с другой стороны, боюсь опять переезда, чистки квартиры, и всей осенней прелести, уж слишком утомились мы всем этим за весну. <...>

Пока же целую Тебя крепко и желаю всего лучшего. Слава Богу, что пока Тебе живется хорошо, дай Бог, чтобы и дальше так же было. Целую еще раз.

Четверг. 15 сентября 1916 г. 11 часов вечера

Дорогой Миша, вернулась я вчера с вокзала одна пешком. Мне хотелось побыть одной, и я попросила Рафаила меня не провожать, хотя мне и предлагали поехать на извозчике, мне же хотелось движения и физической усталости и одиночества. Идти по набережной было очень красиво, красное небо и силуэт Киевского подворья и вспоминала, что и ты часто ходил пешком домой. Когда глядишь на небо, то еще бессмысленнее кажется война, для чего люди враждуют и убивают друг друга? Ведь главный смысл жизни наверно не в этом? а небо так бесстрастно и спокойно смотрит на людей на их радости и страдания. Я думала вчера, что чувствует Бог, видя как люди нелепо устроили свою жизнь. Но люди сами <...> (16 написанных строк зачеркнуты цензурой) <...>. Все это ужасно темно и непонятно. <...>

20 сентября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Погода превосходная, солнце светит вовсю, хотя холодно. Полк на позиции, и сегодня идет горячий бой. Командир, узнав о [нашем] приезде, приказал нам остаться в обозе 2-го разряда на случай пополнения. Сейчас к полку прикоман-

дировано 13 кавалерийских офицеров, которые и находятся в строю. Сейчас из разговоров со штабс-капитаном Семеновым³⁴ выяснилось, что он живет в вашей бывшей квартире в 10-м номере по 13-й линии, я страшно обрадовался и почувствовал к нему родственное чувство. Он, оказывается, сын бывшего вашего хозяина. Я очень рад, что не сразу попал в сидение на позициях. Ну, пока, всего хорошего, ведь сегодня наш праздник, 6 лет как мы поженились, и, увы, и сегодня мы опять в разлуке, надеюсь, что в последний раз.

Целую тебя и детей, Христос с вами.

21 сентября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Положение дел таково: у нас в полк назначено временно 13 кавалеристов гвардейских полков, полк находится на позиции и каждый день ждут, что придет приказ начать снова наступление. Правее нас дела складываются для нас весьма успешно и соседний корпус уже сильно продвинулся вперед, что конечно, в результате должно сильно облегчить и предстоящую задачу нашему полку. Во всяком случае, неприятель оказывает чрезвычайное упорство, перед нами чистый герман, он переходит в яростные контратаки, снабжен огромнейшим количеством пулеметов, но артиллерия, по-видимому, уступает нашей по количеству, но отнюдь не по качеству. Досадно то, что после боев в начале сентября, когда гвардия с таким трудом отодвинула германа, сменившие их части не удержали захваченного пространства и теперь мы снова стоим на исходном пункте. Во всяком случае, до конца всей операции, которая в случае удачи должна нас чрезвычайно сильно продвинуть до естественных рубежей, а в случае неудачи до наступления неблагоприятной погоды едва ли нас вынут из дела и тебе некоторое время придется быть в повышенно нервном настроении. Хотя я нахожусь вот уже три дня все в обозе 2-го разряда и меня в штаб полка не вызывают, т.е. как я и предполагал, должность моя во время боев мало нужна и вообще мое присутствие вовсе здесь не так уж необходимо, как это думал Москов³⁵, отправляя меня сюда.

Чувствую себя превосходно в обществе Евреина³⁶, Нелавицкого³⁷ и Ильина³⁸. Сегодня потребовали на фронт молодежь, очевидно, для того, чтобы они в сравнительно тихой обстановке попривыкли к чемоданам и прочей прелести. Выбыли у нас еще Глобачев³⁹, сильно контуженный, и Воронов⁴⁰, который за все время войны [не был] на фронте, и у него не выдержали нервы. Конечно,

обстановка может в каждую минуту измениться, могут потянуть и меня, но пока что я в обозе и ты можешь уменьшить давление твоего нервного настроения до самой малой величины. Насколько мне не хотелось уезжать, настолько я теперь доволен, что приехал и нахожусь здесь. Странно – я здесь в десять раз спокойнее, чем был в последние дни в Петрограде. Муза рисования меня покинула, зато меня посетила муза стихотворства и шепчет мне в ухо сладкие звуки не то стихов, не то молитвы, и я рад ее приходу.

Ну, до свиданья, моя дорогая. Целую тебя и детей, Христос с вами.

23 сентября 1916 г.

Дорогой Миша,

Шура завтра собирается идти в полк, и я хочу попробовать послать Тебе письмо через него. Я написала Тебе уже шесть писем, но не знаю, получил ли Ты хоть одно из них. Твоих писем я не получаю. Кроме открытки из Киева. Вчера с грустью и с ужасом убедилась, что Вы в резерве не стоите, прочла объяснения о преображенцах. Раз преображенцы воюют, то и вы если уже не участвуете, то скоро присоединитесь к ним. Вот вам и продолжительный отдых и стояние в резерве на севере! Совсем даже не понятно, как это людям, которые так пострадали, не дать продолжительного отдыха. Ведь передышка была каких-нибудь 4-5 дней, а я думаю, все в полку у вас устали и истомились страшно, а молодежь, которая только что прибыла, совершенно не подготовлена сразу воевать, да и одни чемоданы⁴¹ на них <...> влиять могут.

Шура говорил мне, что вам там нагнали офицеров из других частей, это что-то очень уж бесцеремонно и вряд ли для вас приятно, ведь, таким образом, это получается уже не гвардейский, а обыкновенный армейский полк. Очень боюсь я, что Ты уже принял роту, хотя вчера тот же Шура уверял меня, что это мало вероятно, но ведь у него никаких данных нет. Боюсь я за твою психику, настроение и ноги, должно быть, опять бессонница и мучение, а писем от Тебя так давно нет.

Сегодня мне все вспоминается Твоя песня, которую Ты пел Верочке «Он уехал на войну в чужедальную страну, обещался мне писать, только писем долго ждать». Верочка по-прежнему очаровательна и мила, только с Твоим отъездом стала беспокойна, плохо спит по ночам и уже не такой идеальный ребенок, как была прежде, ночью много приходится мне и Анисье возиться с ней, должно быть, прорезываются зубки.<...>

Анисья с отъезда своей матери не получает от нее писем и думает уже, не ехать ли ей самой в деревню. Если она действительно уедет, то мне будет немного тяжело, так как Вера теперь плохо спит, и я все надеюсь, что как-нибудь дело образуется и она не поедет. Все прочее у нас по старому, только гораздо тише стало с Твоим отъездом. Я два раза обедала у ваших и сидела там вечером, да и там ничего нового нет. К Озе приехала Тибо⁴², но мы ее как всегда мало видали, он, по словам Дези, тоже дома не сидит, а все где-то пропадает, а Ози опять себя плохо чувствовал, у него были приступы малярии. <...>

<Не> хочется видеть посторонних людей и не хочется никуда идти. Я как-то боюсь, что люди начнут меня спрашивать, как я и что, а мне так тяжело им отвечать. День проходит быстро, много времени уходит на детей и время как-то очень проходит незаметно, то надо кормить Веру, то мыть бутылки, соски, кипятить молоко, гулять с ними или пасти детей пока няня стирает. Пока Ты был в Петербурге Ты много занимался с ними и я сравнительно была свободнее. <...>

Напиши мне, не надо ли выслать Тебе теплых вещей и что именно? Как поживает Алексей, поклонись ему от меня. Напиши мне также, как Ты встретился с Квицинским⁴³?

Господи, когда же кончится все это! Целую Тебя крепко-крепко. Христос с Тобой. Станочка так трогательно молится за Тебя вечером. Она Тебя тоже целует крепко...

24 сентября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Сегодня 24-е сентября, когда-то это было у вас очень оживленным днем, сегодня у вас, должно быть, тихо-тихо и у нас – наш полк в линии уже сегодня третий день. Наступать мы не собираемся, немцы тоже наступать не будут, одно скучно, что погода второй день серая и моросит дождь, превращая в липкую грязь местный чернозем. Я скучаю, так как мне до сих пор ничего не дают, по-видимому, я окончательно никому не нужен, а раз не нужен – то зачем я здесь, а не с вами! У вас, по крайней мере, у тебя и у Станочки, я еще нужен. Сегодня уезжает Ковалевский⁴⁴, и это письмо я даю ему, а вчера дал письмо Нотбеку⁴⁵, только я думаю, что тот не доведет письма.

Вчера упорно говорили, что нас сменяют 27-го и нас отводят на отдых в Белую Церковь под Киевом – лучшего, конечно, трудно ожидать, только боишься верить этому, напротив, мы пока

все время находимся в армии Каледина⁴⁶, а этот генерал любит долбить до бесчувствия и считается знатоком прорывов: конечно, дай Бог ему успеха, но лучше бы он придумал какой-нибудь новый способ рвать фронт, чем нами. Говорят, и Государь очень недоволен, что нас так потрепали.

Сейчас так тихо, что даже не слышно выстрелов – здесь это очень редко. Наоборот, совсем мирная картина, кричат гуси, поет петух, стараюсь накликаю дождь, малороссы по-своему болтают мягко и красиво, точно итальянцы. Милая Булинька, все было бы хорошо, если бы не было так скучно и не было бы так много мух, которые, несмотря на осеннее время, кружатся и падают мне в кофе, уже двух вытащил из стакана. Алексей чувствует себя превосходно, особенно последние дни, когда аэропланы не летают, так как тучи.

Пока всего лучшего, целую тебя от всей души. Храни тебя Бог. Целую дочек, которыми люблюсь в моем альбоме. Привет всем.

26 сентября 1916 г.

Дорогая Булинька,

Пока все то же – я без дела в обозе. Злюсь и тоскую отчаянно. Жив и здоров. Целую тебя и детей.

Сейчас получил твое первое письмо, к сожалению, цензура настолько остроумна, что всю твою философию о войне и Боге вычеркнула. Вот уж действительно, кому нечего делать, так это цензоры, думают, что твоя философия может смутить меня и поколебать дух воина. Жаль, жаль, что цензура не на войне, а у вас в Петрограде сидит, должно быть у самой ни капли веры, ни капли уверенности в победе нет, что она занимается такими глупостями. Как бы там ни было, а письмо получил. Спасибо за него. Спасибо Станочке за то, что помнит папу. Христос с вами.

(Продолжение следует)

¹ Как показало время, необыкновенно высокий процент выпускников этой школы стали творческими и высокопрофессиональными специалистами и внесли заметный вклад в развитие науки, техники и культуры нашей страны. Педагогическими достижениями гимназии Карла Мая интересуются до сих пор. О ней написана книга Н.В. Благово «Школа на Васильевском острове».

² Александр Дмитриевич Семенов-Тянь-Шанский (1890–1979), после революции в жил эмиграции во Франции, епископ Русской православной церкви.

³ В память о Георгии Парланде эту повесть подготовил и издал небольшим тиражом М.Д. Семенов-Тянь-Шанский в 1911 г.

⁴ Год спустя по представлению командования полка Михаил Дмитриевич был награжден орденом Св. Станислава III степени «за отличие в делах против неприятеля».

⁵ Отрывки из романа вместе с сохранившимися письмами родных из Петрограда, написанными в первый месяц войны, опубликованы в журнале «Звезда» в 2006 г. (Михаил Семенов. «Жажда». Главы из романа. Публикация и вытупительная статья М.А. Семенова-Тян-Шанского. «Звезда» 2006, № 11, С. 79-105).

⁶ Очевидно, речь идет о старших сестрах Э.А.

⁷ Младшая дочь Вера родилась 7 апреля 1916 г.

⁸ Анастасии старшей дочери Семеновых-Тян-Шанских, в то время было три с половиной года.

⁹ Освальд Андреевич Парланд (1876–1956), старший брат Э.А., инженер, после революции жил в Финляндии.

¹⁰ Виктор Львович Кербер (1894–1970), подпоручик, друг и товарищ М.Д. по службе в Лейб-гвардии Егерском полку, после революции – авиационный инженер.

¹¹ В Красном Селе находился тренировочный лагерь Егерского полка, где проходила подготовка перед отправкой на фронт.

¹² Степан Решетин, денщик М.Д.

¹³ Мария Николаевна Парланд (1852–1919), урожд. Кюстер, мать Э.А.

¹⁴ Андрей Андреевич (Херри) Парланд (1873–1942?), старший брат Э.А.

¹⁵ Кириштенны, семья богатых петербургских фабрикантов, близкие друзья семьи Парланд.

¹⁶ Александр Дмитриевич Семенов-Тян-Шанский, младший брат Михаила Дмитриевича, прошел ускоренную военную подготовку в Пажеском корпусе, который окончил в 1915 г, подпоручик лейб-гвардии Егерского полка. Вплоть до весны 1917 г. он не был на фронте и служил в запасном батальоне Егерского полка в Петрограде и Красном Селе.

¹⁷ Михаил Дмитриевич родился 8 мая ст. ст. 1882 г.

¹⁸ Алиса Андреевна Парланд (1874-1938), художница, преподаватель, сестра Эми Андреевны.

¹⁹ Николай Игнатьевич Скорино (ум. в 1965 г. в Брюсселе).

²⁰ Речь идет о родителях М.Д., живших в квартире выше этажом.

²¹ Сергей Иванович Соваж (1875–1916), генерал-майор, командир Семеновского полка, 8 мая 1916 года на передислокации полка к Молодечно был задавлен лошастью, упавшей на него на всём скаку.

²² Гиренков Георгий Георгиевич, штабс-капитан л.-гв. Егерского полка, позже полковник. Расстрелян 2-3 мая 1931 г. в Ленинграде.

²³ Рухлов Юрий. Поручик Л.-Гв. Егерского полка. Пожалован за отличия в делах против австрийцев орденом Св. Анны с надписью «За храбрость».

²⁴ Юрий Сергеевич Столица (1894–1951). Капитан л.-гв. Егерского полка. В белых войсках Восточного фронта; на 1920 в штабе 1-й Маньчжурской дивизии. Умер во Франции.

²⁵ О.А. Парланд.

²⁶ Министерство земледелия, где в статистическом комитете перед войной работал М.Д.

²⁷ Знаменитое Брусиловское наступление началось 22 мая и продолжалось почти четыре месяца.

²⁸ Георгий Шишков, брат подруги сестер Парланд.

²⁹ Сергей Андреевич Усов (1879–1966), в 1914 г. капитан лейб-гвардии, позже полковник л.-гв. Егерского полка. В Вооруженных силах Юга России. В эмиграции во Франции.

³⁰ Алексей Алексеевич Брусилов (1853–1926) – генерал-адъютант, в марте 1916 г. назначен главнокомандующим войсками Юго-Западного

фронта. В 1916 году провёл успешное наступление, получившее в истории наименование «Брусиловский прорыв»

³¹ Р.Д. Семенов-Тян-Шанский (1879–1919), старший брат М.Д., статистик, земский деятель, умер от голода в Москве.

³² Е.М. Семенова-Тян-Шанская (1854–1920), мать М.Д., умерла от голода в Петрограде.

³³ А.Д. Семенов-Тян-Шанский во время учебы в Пажеском корпусе проходил учебные летние лагеря в Красном Селе.

³⁴ Семенов Михаил Александрович (1894–1965). Из дворян, сын офицера. Штабс-капитан, полковой адъютант л.-гв. Егерского полка. В Добровольческой армии с конца 1917, в 1919 начальник команды разведчиков. В Русской Армии в Сводно-гвардейском полку до эвакуации Крыма. В эмиграции в Югославии. Во время Второй мировой войны в германской армии, командир добровольческого полка «Варяг», затем в РОА. После 1945 – в эмиграции в Бразилии.

³⁵ Москов Платон Александрович, р. 1871, полковник, командир Запасного батальона.

³⁶ Евреинов Андрей Иванович, штабс-капитан. Полковник л.-гв. Егерского полка. В эмиграции в Аргентине. Ум. в 1958 г. в Буэнос-Айресе.

³⁷ Нелавицкий Николай Николаевич, подпоручик лейб-гв.; поручик лейб-гв.; штабс-капитан лейб-гв. (1916), георгиевский кавалер. Начальник штаба 7-й Уральской горных стрелков дивизий. Погиб (предположительно) 2.11.1919 г. во время Сибирского Ледяного похода, сражаясь с 13-й кавалерийской дивизией красных.

³⁸ Ильин Николай Иванович, подпоручик, потом поручик, затем полковник л.-гв. Егерского полка. Во ВСЮР и Русской Армии; фев. 1920 командир бригады 12-й пехотной дивизии, в июне 1920 командир бригады 34-й пехотной дивизии.

³⁹ Глобачев Иван Владимирович, поручик л.-гв. Егерского полка, контужен 19 сентября 1916 г. у дер. Корытницы.

⁴⁰ Воронов Александр Алексеевич. Полковник л.-гв. Егерского полка. В Вооруженных силах Юга России. Галлиполиец. Ум. в 1963 г. в Болгарии.

⁴¹ Чемоданы – тяжелые немецкие мины.

⁴² Мария Эмильевна Парланд, урожд. Сеземан (1878–1942), жена О.А. Парланда.

⁴³ Квицинский Борис Иосифович (1868–1934), командир лейб-гвардии Егерского полка (2.03.1916–10.04.1917), генерал-майор. Умер во Франции.

⁴⁴ Ковалевский, однополчанин М.Д.

⁴⁵ Фон Нотбек Владимир Владимирович (1895–1956), штабс-капитан, георгиевский кавалер (1917). Капитан л.-гв. Егерского полка. В Вооруженных силах Юга России. Подполковник. В эмиграции в Югославии, затем в Бельгии.

⁴⁶ Алексей Максимович Каледин (1861–1918) генерал от кавалерии, командовавший в 1916 г. 8-й армией нанес главный удар в соответствии с планом, разработанным Брусиловым. 25 октября 1917 года выступил с обращением, в котором объявил захват власти большевиками преступным. 26 ноября 1917 года власть в Ростове и Таганроге захватили большевики. Каледину, по его словам, «было страшно пролить первую кровь», однако он вступил в вооруженную борьбу. 28 января 1918 генерал Корнилов известил Каледина о решении отвести Добровольческую армию на Кубань, в тот же день генерал Каледин покончил с собой выстрелом в сердце. В своем предсмертном письме он объяснил свой уход из жизни «отказом казачества следовать за своим атаманом».

ABSTRACT

Semenov-Tyan-Shansky M.A. – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Head of Laboratory, POMI RAS.

Zadneprovskaya A. Yu. – Candidate of Historical sciences.

LETTERS FROM 1916

(LETTERS FROM THE ARMY TO PETROGRAD AND FROM PETROGRAD TO THE ARMY)

In this publication – wartime correspondence between husband and wife – Mikhail Dmitrievich Semenov-Tyan-Shansky and Emmy Andreevna (in girlhood Parland). Correspondence covers the events of May-December 1916. The first part of the correspondence is published in this issue: May – September 1916.

Keywords: World War I, Petrograd, front, army, family, M.D. Semenov-Tyan-Shansky, E.A. Parland.